

Китайский синдром

“Император и убийца” режиссера Чена Кайге

В китайском прокате этот фильм идет под названием “Первый император”. Кто не знает, не слышал о знаменитой оскароносной ленте Бернардо Бертолуччи “Последний император” — о Пу И, на коем прекратилась великая династия правителей Поднебесной? И вот уже в самом Китае снят большой государственный фильм о правителе, которого за пределами его родины знают наверняка лишь как пращура того самого “последнего императора”. Бюджет этого фильма — 10 миллионов долларов — не должен смущать своей “скромностью” на фоне голливудских блокбастеров. Речь идет об особой экономике, и в “Императоре и убийце” можно посмотреть на такие массовые и постановочные сцены, какие возможны в западном кино лишь в виде симулякра, виртуальной обманки. А здесь все настоящее, натуральное, добротное. В том числе толпа статистов во всю пустыню.

Этот фильм можно рассматривать с самых разных точек зрения. Можно как дань моде на эпическое, добротное кино. Если в стране не поднят, не снят подобный старомодный большой фильм про войну и любовь, желательно о национальном святом, правителе или герое, то она чувствует себя немного неловко. С этой точки зрения фильм, конечно, впечатляет, но чуть-чуть отстранен, излишне сосредоточен на этике и нравственности. С другой стороны, на Западе “Императора и убийцу” воспринимают как произведение

о природе власти, в том числе имперской, рано или поздно вынужденной идти на крайние меры. “Первый император” — это такой китайский “Иван Грозный”, причем режиссер фильма Чен Кайге сознательно цитирует как пластические решения, так и смысловые блоки шедевра Эйзенштейна. Выбор государством Чен Кайге на роль постановщика имперского гимна опять-таки вполне вписывается в причудливую восточную логику. После триумфа его фильма “Прощай, моя наложница” на фестивале в Канне — “Золотая пальмовая ветвь” — он всемирно почитаем как нынешний лидер национальной кинематографической школы. На родине же этот фильм вышел с невероятными правками и скрипом. Provocational даже для Запада сюжет, отдаленно напоминающий о “М.Баттерфляй”, пьесе, которую ставили со скандалом на сцене и в кино (заметим, что солиста пекинской оперы в голливудской экранизации “М.Баттерфляй” играл “последний император” Джон Лоун, актер, исполнивший роль Пу И в фильме Бертолуччи). Чен Кайге также рассказал о двух солистах пекинской оперы: один из них всю жизнь исполнял арию императора, а другой — его наложницы, причем в жизни они как бы доигрывали свои партии, впустив в свой дуэт третьего участника — а именно настоящую, не сценическую жену “императора”. Теперь же режиссер взялся за образы тех, кого всю жизнь играли его герои..

Итак, реальный император, реальная возлюбленная императора (в этой роли снялась Гун Ли, муза двух крупнейших национальных режиссеров Чена Кайге и Чжана Имоу, всегда приносившая наивысший успех именно тому, у кого она снималась в данный момент) плюс соперник императора-объединителя, самый непримиримый противник объединения, которого и с будущим первым императором, и с его возлюбленной связывают сложные, запутанные отношения личного, внесоциального толка. Плюс странный наемный убийца, однажды раскаившийся и отрешившийся от своего ремесла, за это выбранный возлюбленной императора на роль главной пружины государственного заговора. Все они по условиям этой новой игры — реальные, а не мифологические герои — персонажи оперного канона, но все они постоянно играют. Известен лишь результат — объединение всех земель под небесами и заключение Китая за Великую Стену. И с тех пор никому не понять этой страны.

“Первый император” не равен “Императору и убийце”. Знаменитая своей жестокостью китайская цензура ведет себя подобно героине Гун Ли: никогда не знаешь, участвует она в заговоре “за” или заговоре “против”. Рушит репутацию на родине, создавая ореол славы за рубежом. Живущий в Нью-Йорке Чен Кайге снял большой государственный фильм, и государство им довольное. У нас фильм этот рекламируют как “самый дорогой китайский фильм, снятый самым известным китайским режиссером с участием самой красивой китайской актрисы”. Все довольны. Даже те, кто считает, что это фильм о тиране, потому что император действительно тиран. Именно за этот удивительный урок китайской логики следует смотреть это кино, а также из-за финальной сцены, где все действующие лица исторического процесса, то есть всем известный император и неизвестно откуда взявшийся убийца, благополучно отыграли свои роли, хотя буквально мгновение назад они хотели все сделать наоборот. Но нет. Император убил своего убийцу.

Кадр из фильма

Анастасия МАШКОВА